

– Я ж вас веду на братьев; я Литву позвал на Русь!

– Нет, никуда не годится...

– Я в красную Москву кажу... Извините, я не расслышал. Дальше?

– Ни слова не понимаю. Ничего. Текст мёртвый, Валера.

– Я понял. Тогда, может быть, отсюда... Вы за царя подняли меч, вы чисты?

– Стоп. Куда ты бежишь? «Я понял», «я понял», и ничего не меняется. Где внутренняя работа? Где подготовка к репетиции? Я уже не знаю, что делать. Перерыв десять минут.

*Олег зовёт покурить. Меня вежливо огибают взгляды, я выхожу из гримёрки. Не хочу через зал, но другого выхода нет. Режиссёр говорит с Машей. Оглядываются, замолкают. Олег усмехается. Мне нужно взять пальто, на улице холодно, я не хочу простужаться. Думаю на пять-десять секунд вперёд, дальше кружится голова.*

– Вот так... Я тоже иногда думаю: ну его к чёрту... Стою на сцене и понять не могу, что говорю.

– Ты мне скажи лучше, что делать.

– Сказать, хм... Пробуй, Валерка. Знаешь, сколько мы моно мучали?

– Знаю. А показ через неделю.

– И что, и что мы? Не покажем, что ли?

– Да покажем, конечно.

– Ну вот, Валерка, вот...

*Полтора года назад аплодисменты оглушали. Всем гордо говорил, что привык к свету софитов, но глаза постоянно слезятся. Может, потому что слёзы хлынули в последней сцене. Дарят цветы. Какая-то девушка подходит и вручает арбуз. Я не знаю, куда его девать, стою с розами и арбузом, стараюсь улыбаться, проговариваю губами: «Спасибо». Устал и счастлив.*

– И если нужно ещё что-то сделать, я с удовольствием.

– Я пока присматриваюсь. Хочу понять, как ты работаешь. Делай, что у тебя получается.

– Я б с удовольствием и над моноспектаклем поработал, и в дуэте.

– Давай сперва с текущими постановками разберёмся.

*Кислое, тянущее ощущение в груди. Двадцать три пятьдесят. Сажу на заднем сидении Тойоты Приус. Убер дал скидку на десять дней, еду домой за шесть евро. Гораздо быстрее, чем метро и трамвай. Мне надо поесть и спать, репетиции каждый день. Свободно только в субботу.*

– Всё-таки слишком она... С другой стороны, весь спектакль на тебе, все ключевые сцены. Всё-таки... Ага.

– А текст каждую неделю сокращают. Выкинула бы она меня совсем.

*Восемь двадцать две. Меньше десяти часов осталось... Считаю время, тяну его мысленно, жду репетиций, как неизбежного наказания. Из папки выпадает исчерканный текст. Вы за царя... Литва справа. Русь слева. Не показывать руками, видеть!*

– Неужели у всех всё получается?

– В принципе да... Катя, конечно, тоже... Но ей проще. А Серёжа вообще из репетиций вышел.

– А Данила?

– Данила естественный. А ты только думаешь. Думай меньше.

*Погладить рубашку и ехать на работу. Календарь забит встречами, но ведь до репетиции надо как-то вжиться в эту сцену. Или отвлечься. Заболеть. Два дня можно не приходить без справки от врача. Боже, благослови четверг.*

– Маша плакала, с репетиции уходила.

– Для неё это дело жизни, она актриса. А я?

– А тебя так же воспринимают. Это ж, Валерыч, комплимент.

– Я помру от таких комплиментов.

– Ты давай лучше весь спектакль сделай, ну, как сцену в келье сегодня, тогда порадуешь.

*Шеф желает мне выздоровления. Прячусь под одеяло от стыда. Закрываю глаза, вычищаю страх из-под ногтей. Интересно, это настоящая депрессия или острая форма комплекса отличника? Шепчу себе: «Я не собираюсь быть профессиональным актёром». Два часа до репетиции, а ехать час. Не могу больше проговаривать текст, сводит губы. Хожу по комнате и визуализирую. Где-то же должна быть эта проклятая эмоция.*

– А что вы заканчивали в Москве?

– Я так понимаю, вы имеете в виду театральный? Я просто очень давно занимаюсь, как любитель, почти двадцать лет уже.

– Ну, это всё равно, вы профессионал, природный актёр.

– Спасибо большое. Всё же нет, не профессионал, но очень приятно.

*Пять минут идти от метро. Каждым шагом словно разрываю намотанный на ноги бинт. Замер перед входной дверью. Пришёл раньше, как будто это поможет.*

– Может быть, в какой-то сцене...

– Что?

– Есть какие-то моменты, которые получаются? Я бы от них оттолкнулся.

– Нет... Закрепления нет. Каждый день как с чистого листа... Я могу что-то придумать, но не когда каждый день заново. Ну, допустим, сегодня что-то мелькало в сцене с Олегом.

– Да? Спасибо, попробую её проработать.

– Что ты будешь прорабатывать? Скажу «да», а завтра ты всё будешь будешь повторять механически. Я не знаю... Я не знаю, что мы будем показывать через неделю.

*Папка не влезает в маленькую урну на столбе. Радуюсь, что я в перчатках. В театре принято посидеть на тексте, если его уронил. Плохая примета – упавший текст перед спектаклем. А я с наслаждением вырываю страницы, и комками – в*

*цель. Мой покой бесовское мечтанье тревожило.*

*На репетиции меня ждут только через час. Вызвал убер на другую сторону улицы, не хочу ни с кем встречаться – даже случайно.*

– Репетиции бывают разные, это понятно.

– А что ты тогда?

– На сцену больше не хочу. Раньше я каждую строчку своего текста берёг, секунды растягивал...Теперь полстраницы монолога выкинули, а я рад.

*Сообщение от Маши, пропущенный от Олега. Скрываю оповещения. Расхотелось жить в этом городе. Все настоящие друзья есть в вотсап. И три предложения от рекрутеров в почте.*

– Очень важный спектакль. Критики придут и, возможно, кто-то из посольства.

– Она о твоём спектакле говорила ровно то же самое. И о фестивале в Ижевске. И о фестивале «Кросс-культур».

– Они тоже были важные.

– Я работу стал пропускать. В этом году у меня больше дней на больничном, чем за предыдущие 6 лет, а сейчас только март! Я ничего больше не делаю, только еле работаю и театр.

– Это нормально. Я даже в магазин не успеваю.

– Ты же профессиональная актриса!

*По дороге разослал обновлённое резюме. Завтра будут назначать собеседования, главное – подальше отсюда. Водитель слишком резко и часто перестраивался, а я смотрел в экран планшета. Теперь мутит. Дышу у подъезда. Телефон затих. Больше не ищут. Достаяю ключи, как свободный человек.. Свет фонарей режет комнату на треугольники. Ногтем по бокалу – звук, будто с кем-то чокнулся. Я не могу просто уйти. Придётся сбежать.*